

весты (если одеть на шею свата или родителя), его надевают вору на шею (чтобы отторгнуть человека от деревни). Эти и другие примеры призваны провести черту между «этим» и «тем» обществами, шире — мирами. Узда — средство управления и символ целого. Владение уздой равнозначно владению лошастью. Отсутствие узды в руке означает отсутствие орудия управления и самого коня.

2.1. Одежда

Одежда — *тумтир* (*тум*, *кёне-йём*). Слово *тумтир* состоит из двух частей: *тум* — «одеяние» + *тир* — «кожа, шкура». Вторая часть, видимо, является рудиментом древнего обычая прикрывать тело шкурой зверей, добытых на охоте. Одежда является предметом исследования материальной культуры, однако в аспекте обрядности она представляет интерес как явление духовной культуры [Поле 90: 57; МАЭ, отд. Европы, колл. 347. 10(2); Миллер 1788: 57 и др.].

«Семантический статус одной и той же вещи может... изменяться в зависимости от ситуации» [Байбурин 1981: 217]. Более того, если современная чувашская или русская женщина идет по улице без специальных украшений — во внеобрядовом контексте это нормально, но для индийской женщины быть без украшений среди людей — все равно, что быть без одежды. Таким образом, вещи включаются «в сферу социальных взаимоотношений между людьми» [White 1987: 182].

В данной работе остановимся на наиболее сакрализованных предметах народного костюма. Помещенные здесь краткие описания не ставят искусствоведческой задачи и тем более задачи полного охвата, их цель — дать определение и вызвать общее представление. Основная задача — изучение народной одежды в контексте фолк-религии (Folk Religion). Необходимость написания такой работы вызвана отсутствием специального исследования, хотя одежда как явление искусства, этнографический объект вообще находит отражение в научной литературе.

Обрядовое проявление одежды помогает лучше понять воззрения людей на мир, дать оценку социальным отношениям. Как известно из свадебной обрядности, невеста готовила себе приданое задолго до сватовства. Сундук с одеждой и другими вещами невесты грузили на телегу. Нередко приготовленной до свадьбы одежды женщине хватало до конца жизни, она являлась ее собственностью. Правила обыденного права позволяли в случае развода забрать все приданое в дом родителей.

Обрядовое одевание предусматривает и специальное помещение. У чувашей таким местом, как правило, является клеть. Здесь хранятся

сундуки и другие емкости для одежды, здесь же переодевают жениха и невесту.

В жизни чуваша существуют два обряда, по случаю которых стараются одеть на себя и особенно на детей обновки, — это *мункун* и *симёк*. Объясняют, что вместе с новой одеждой прибавится новая сила. Эти два праздника находились на стыках сезонов, соответственно требовали и внешних перемен в дни весеннего равноденствия и начала лета. В *сёрен*, входящий в цикл *мункун*, люди старались избавиться от прошлогодних недугов и болезней. С этой целью кидали в воздух верхнюю одежду и говорили: «Хворь-болезнь уходи».

Обряд инициирования дождя предусматривает вхождение в воду в одежде. В воду заходят (хотя бы по поясе) все участники, в том числе старики. По этому случаю надевали платья и рубашки с национальными вышивками. Исследователи полагают, что этот акт отражает сохранение рудиментов древнего обычая давать божеству воды живых людей.

Оставшаяся от умершего человека одежда не хранилась, а выбрасывалась или отдавалась нищим. В день установления столба на могилу *юпу* наряжают в одежду умершего человека, тем самым идентифицируя их.

Не рекомендуют одежду оставлять без присмотра, ибо через кусок, вырезанный незаметно, на обладателя можно наслать порчу. Например, достаточно бросить этот кусок в сухой овраг и сказать: «Пусть высохнет, как этот овраг».

Пошив и вид одежды также являются индикатором социальной ситуации. Культурологи отмечают, что социокультурный стресс и неустойчивость обуславливают деформацию и неустойчивость костюма [Kroeber, Richardson 1940: 149]. Исходя из логики, можем сказать: устойчивость фасона, должно быть, указывает на социокультурное спокойствие. Для сравнения можно говорить о внешнем виде людей в мирное и военное время, периода расцвета и упадка, порядка и анархии в стране.

Платок на голову — *тутёр* (*явлёк*). Женщины сначала на голову повязывают широкий *сурпан*, покрывающий все волосы, а сверху — платок. Девушки и женщины пользуются хлопчатобумажными белыми и цветастыми платками преимущественно светлых расцветок. В день окончательных проводов души человека на постель кладут его заместителя — *юпу*, а на него — одежду; если женщина, то обязательно «повязывают» платок или *сурпан*. Желая привлечь умершего родственника к общему увеселению, пляшут, накидывая на голову платок с деревянной фигуры *юпа* [ЧГИ 21: 22, 514, 527 и др.].

Платок наделяется широкими знаковыми функциями. Согласно свадебным песням, повзрослевшие девушки свой платок вывешивали на

ворота со стороны улицы. Парень, желая указать на свою возлюбленную, говорил, что хочет иметь тот платок. Таким образом, платок входит в круг оспариваемых парнями предметов. «Игра в платок» начинается еще в детском возрасте. Для этого дети, взявшись за руки, встают в круг. Один из них держит лист дерева и кричит: «Платок! Платок!» К нему с двух сторон устремляются двое ребят. Кто станет обладателем листочка, тот кричит сам. Если девушка, которой симпатизирует парень, вдруг перестанет с ним общаться, юноша может отнять у нее платок, объявив себя владельцем ее символики. Новый кавалер девушки в таких случаях обязан силой отнять у того парня платок. В противном случае первый парень продолжает считаться для этой девушки более близким. Так возникали споры, драки.

Дарение платка парню равносильно признанию в любви.

Платок выражает и сложные взаимоотношения парня и девушки:

Шелковый платок в два слоя,
Отделить бы один.
Мой любимый в две стороны,
Повернуть бы в свою [ЧГИ 14: 91].

Дарение платка в соответствующей обстановке может означать согласие на брак. Так, во время сватовства девушка отдает свахе платок, который на свадьбе повязывается женихом поверх пояса. В молодежных песнях *Вэйя*, а также в свадебных частушках этот мотив имеет широкое распространение:

В воде квакает лягушка,
В поле шипит змей.
Девушки из Анаткаса
Предлагают платки.
Кричат в окно:
«Коль платок короткий,
И сама могу прийти» [ЧГИ 7: 772].

Грубому принародному осмеянию подвергались девушки, дарящие платки одновременно двум парням. Поведение таких девушек приравнивалось к распутству.

Платок, полученный от невесты во время сватовства, называется платком зятя. Его края украшаются кружевами и бахромой. Он повязывается на пояс поверх одежды так, чтобы два конца свисали по бокам.

Платок может служить покрывалом для невесты, особенно на первом этапе свадьбы. Например, девушка в сопровождении подруг ходила к соседям и причитала со слезами. В это время она покрывалась платком с бахромой и не показывала своего лица.

На сговоре называются вид и количество даров со стороны жениха, куда обязательно входят и платки. Обычно самым близким родственникам невесты, в том числе родителям, дарят рубашки, остальным женщинам — платки, мужчинам — полотенца.

У чувашей на свадьбе принято, чтобы свекровь преподносила своей снохе платок. Если мать парня не доживала до свадьбы сына, она оставляла приготовленный к случаю платок сыну и наказывала повязать своей жене. Часто таким платком оказывался платок, полученный от своего мужа [Автор]. Подобный дар свекрови напоминает о родителях мужа и делает родственные чувства более ощутимыми. Удмурты аналогичный подарок делали после хождения молодой за водой: свекровь клала платок снохе на плечи [Гаврилов 1880: 179].

Платок входит в число подарков молодой родным жениха. Аналогичные представления существуют у удмуртов. Любопытна сцена у кетов. Старшие женщины из семьи жениха наполняли медный котел подарками, в числе которых были и платки. Если родители невесты перевозачивали котел, не вынимая подарков, — сватовство не состоится. Если невеста брала из рук жениха платок, предложение считалось принятым [Алексеев 1980: 52].

Платок — олицетворение чести девушки. Поэтому он в обрядовой поэзии символизирует реальное или подложное нанесение позора. У чувашей молодая имеет «платок невинности», который после брачной ночи осматривает только сваха. Этот платок чести передается свахой матери молодой, а последняя в знак гордости пляшет, размахивая им принародно.

Разрывание или разрезывание платка означает развод или размовку.

Платок является жертвенным даром ряду божеств и духов, особенно *Киремтю* и духам предков. Например, намогильному столбу, принадлежащему женщине, завязывают платок.

Спорным моментом является дарение платка рекруту. Согласно одним источникам, в руках рекрута развешаются платки желтые и белые. Но другие источники, например оренбургские чувашки, отрицают такую возможность, они считают правильным дарить рекруту только полотенце.

Платок используется в качестве откупа в свадебных обрядах. Молодая откупается им за первый забор воды из источника, дарит мальчику взамен нахождения спрятанного покрывала. Шурин, сидящий на сундуке с приданными, получает от зятя почетный платок.

В пятницу в неделю *мункун* устраивали спортивные состязания. Для награждения победителей у молодых женщин, вышедших замуж в течение последнего года, собирали платки, а у остальных — полотенца, *сурпаны*, яйца. За право владения этими подарками мужчины состязались в борьбе, скачках, беге и прыжках в длину [Поле 90: 181; ЧГИ 29: 505; 160: 232 и др.].

Платок может служить скатертью. На сборе родственников по торжественным случаям каждому гостю за столом клали шелковые платки, а на них ставили кружки с подслащенным пивом. Чашку с кашей, предназначенную для божества *Хёртсурт*, ставят на печку, постелив белый платок. Придя на кладбище, сначала на могилу стелют платок, а потом выкладывают гостинцы.

В ритуале платки используются и в качестве покрывала. Так, до начала совместной еды в *мункун* вся пища в приготовленной посуде (вода, чашки) накрыта платками. В ритуале жертвоприношения *Киреметю* в домашних условиях оставшиеся кости сжигаются в печи, а зола собирается в кучу путем подметания гусиным крылом и накрывается белым платком. Затем эта зола относится на святилище. Как видим, под платками временно хранятся приготовленные для сакрального обращения продукты и их остатки.

Платком чуваша завязывали что-либо ритуально ценное. Жертвенные дары (муку, солод, *юсман*, *нухрат*, хмель и другие предметы) божествам и духам типа *Киремет*, *Мемеле* и *Хытём* относят, завязывая вместе в платок. При сватовстве на стол кладут хлеб, а на хлеб — деньги в платке. Жертвоприношение на благо семьи сопровождается отнесением в поле на какую-нибудь веточку мелких лепешек, завязанных в платок. Страдающего от *Киреметя* человека можно излечить, принося в дар монеты, завернутые в платок [ЧГИ 6: 594; 21: 162; 29: 509 и др.]. Русские после снятия с невесты покрывала молодых помещали в чулан, куда относили «кромку хлеба, на которую наверхивали платок» [Мыльникова, Цинициус 1926: 136].

Платком можно отметить принадлежащую человеку собственность. Во дворе свекра к невесте подводят теленка. Она кусает правое ухо животного и на голову ему навешивает платок. Таким образом она отмечает полученный в дар скот и становится хозяйкой будущих приплодов.

Основные персонажи на свадьбе опоясываются пестрыми платками, обозначая свои роли.

Платок, развевающийся на колышке, установленном по пути на кладбище, означает место, где совершают последние почести умершему в сороковой день. В этом случае платок находится на пограничной черте между деревней и кладбищем.

Платок на дуге — символ прощания. В основном используется на похоронах и в *юна*. Но платок на дуге встречается и в свадебных обрядах, и при проводе в солдаты, подчеркивая тем самым их семантическую сходность.

Платок выступает в качестве заменителя других вещей. Так, на могильный столб женщине завязывают *сурпан* или платок. В сороковой день всем помогавшим при похоронах дают монетки, а некоторым — платки.

Сурпан (*тастар*) — род вышитого полотенца, используемого женщинами как головной убор (при произношении звук *n* выговаривается полузвонко, русскоязычная литература склонна писать *сурбан*). Изготавливается из поскони, конопли, льна. Приготовленная нитка ткется на станке. Материал-основа, как правило, шире и длиннее, чем полотно для полотенца и платка. Отличается каноническим оформлением. Основа — белое полотно, по краям — красные тканые полосы. Концы состоят из двух или трех частей. Ближе к концу — сплошное тканое полотно из красных ниток, которое может и отсутствовать. Далее — богатая полоса узора. Завершается полотенце пришитой полоской кружева ширины *сурпана* [Ашмарин 1936а: 202–204].

Этимология слова восходит к персидскому *сарбанд* = *сар* «голова» + *банд* — «завязка», т.е. повязка на голову.

В свадебной обрядности он первый раз фигурирует уже на сватовстве, когда оговаривается количество выделяемых от имени невесты *сурпанов* в качестве подарка родственникам жениха. Представляет интерес операция с отдельными частями. Если на сватовстве матери жениха через сваху передается целый *сурпан*, то жениху — лишь часть в виде конца. Кроме того, в свадебной песне, исполняемой хором со стороны жениха, есть слова, свидетельствующие об отправлении свахи к девушке «резать сурпан».

Как поется в сцене ожидания выхода невесты из родительского дома:

Прекрасная сноха, ай, Настус,
Три раза послала весточку сама,
Согласно весточке приехали.
Отрезок сурпана сама прислала,
С [отрезом] сурпана приехали [ЧГИ 29: 16].

Дополнительным материалом может служить форма развода с использованием *сурпана*: муж рвет или режет *сурпан* жены пополам, одну

оставляет себе, другую отдает ей; после этого обе свободны: она может выйти замуж за другого, а он — жениться на другой. Здесь можно говорить о том, что *сурпан* в начале свадьбы символизирует желание сторон быть двумя половинками одной целой. Два куса *сурпана* можно оценить также как своеобразные «пароли», находящиеся в распоряжении чужаков, которые предьявляются при встрече. В отличие от этого, развод означает разрывание целого на две самостоятельные части.

Сурпан в качестве подарка невесты вручается близким женщинам рода во время отъезда из дома отца.

Он в свадебных сценах может выступать в качестве покрывала. Существует обычай на столе у жениха и у невесты иметь хлеб с воткнутой в него стрелой, которые покрываются этим головным убором. У жениха пользуются *сурпаном* его матери, у невесты — *сурпаном* ее матери. Чаше всего именно этот *сурпан* и повязывают молодой на голову. С таким набором вещей в руке — хлеб, стрела (вариант — палка или трезубец), *сурпан* — старший дружка предстает перед стариками и спрашивает себе место за столом.

Одевание на невесту *сурпана* и другой женской одежды происходит в клети (амбаре). Занимается этим золовка жениха.

Основное ритуальное назначение *сурпана* — покрывание волос женщины. Широким полотном обертывали голову так, чтобы не было видно ни одного волоска. Показывать женщине волосы и голые ноги членам семьи считалось неприличным, особенно избегали свекра и деверей. Если девушкам позволялось находиться с неприкрытой головой, то женщинам этого не разрешалось. Без *сурпана* также было не принято выгонять скот на улицу, ходить в поле на работу. Распространялось такое отношение и на умершую женщину. Укладывая ее в гроб, ей обязательно повязывали *сурпан*, а сверху — платок. Более того, даже на земестителя-юпу у женщин полагалось надевать *сурпан*, в чем можно видеть проявление желания быть только в этом головном уборе. Позже, когда чувашки на могилах начали ставить кресты, обычай оставлять на крестах *сурпаны* долгое время сохранялся [Поле 94: 250; ЧГИ 21: 22, 514 и др.].

Сурпан не платок, он крепится к голове иначе. Во-первых, у него имеются специальные завязки. Во-вторых, по отношению к нему используется тот же глагол, что и к лаптям, — *сыр*, нюансы которого в контексте с *сурпаном* можно передать словами «обувать, покрывать, окружить, наверхтывать, навязывать, облепить». *Сурпан* крепят около ушей с помощью специальных завязок, а оба свободных конца опускают на спину и прикрепляют к тесемкам фартука. Имеются диалектные

вариации: если низовые чуваша основную часть *сурпана* наматывают на голову и сверху повязывают платок, то верховые основную длину *сурпана* обертывают вокруг шеи, ибо на голову у них повязываются лобная повязка *масмак* и платок.

Девушки к замужеству готовят несколько *сурпанов*, так как ими молодая одаривает своих близких родных, пришедших на свадьбу. Готовясь к *Акатуй* (празднику в честь сева), у молодых женщин, вышедших замуж после прошлого *Акатуя*, собирают *сурпаны*, которые потом служат призами победителям в скачках, борьбе и беге.

Существует специальный обряд «Показ сурпана» (синоним — *сурпан сӑри* «Пиво по случаю надевания сурпана») — первый визит молодых к родителям девушки. В качестве основного гостинца используется пиво. До посещения молодых во дворе у ее родителей временные устройства, называемые *шилӑк*, не разбираются, т.е. этот цикл органически входит в свадебную обрядность.

Естественно, *сурпан* — атрибут женщины. В старину легко можно было отличить девушку и женщину, а также невинную и порочную по отсутствию или наличию на голове *сурпана*. «Пока не выполнен установленный отцами и дедами брачный ритуал и пока на голову молодой не возложен еще сурпан, молодые не могут вступать в супружеские отношения» [ЧГИ 40: 238]. Песни парней о желании надеть *сурпаны* на головы девушек из другой улицы говорят об их серьезных намерениях. Надев на голову *сурпан*, женщина ни по какой причине (смерть мужа, развод) не должна его снимать. Здесь не имеет значения: брак был оформлен венчанием или нет. Увидев женщину без *сурпана*, ее ловили и сорок раз обливали ведром холодной воды. Если умирала девушка, то к ней в гроб клали приготовленный ею *сурпан*, чтобы она на том свете вышла замуж. Поэтому справедливо замечание священника Д.Ф. Филимонова к одной из книг Н.В. Никольского: «К нарядам девушки причислен сурбан. Это неверно. Сурбан есть принадлежность замужней женщины» [ЧГИ 168: 43].

Вышитый конец *сурпана*, который жених получил от невесты через сваху, входит в наряд жениха. Он может прикрепляться в разных местах костюма (на спину, грудь), а также суется за пазуху, оставляя конец наружу. *Сурпаном* может опоясаться мольщик при исполнении обряда.

Старые *сурпаны*, имеющиеся дома, использовались вместо полотенца, середина (без узоров) шла на изготовление свеч. Для этого вырезали небольшой кусок, скручивали спиралью и обкатывали на воске, предварительно растопленном на сковородке. Более состоятельные семьи на похоронах *сурпаны* использовали вместо вожжей [ЧГИ 21: 517, 521, 524 и др.].

Для исследователя культуры представляет интерес название отвала деревянной сохи, который, как и женский головной убор, называется *сурпан*. От угла расположения отвала-сурпана зависит форма грядки. Естественно, в совпадении названия головного убора и части сохи улавливается земледельческий уклад жизни носителей *сурпана*.

Ассоциативное мышление способствует видению в *сурпане* символа дальней дороги. В загадке *сурпан*, растянутый в поле, означает пеший путь.

Сурпаном можно отблагодарить за услугу и оплатить за работу. Так, повивальной бабке дарят *сурпан*, а знахарке его можно предложить вместо денег [ЧГИ 26: 227; 207: 72, 77 и др.].

Шапка — *сёлёк* (*калтак*) — этимологически родственно персидскому головному убору *йәләк* [Рубинчик 1983: 750]. В современной Чувашии шапка является мужским головным убором, но в старину ее надевали и девушки на *тухью* зимой.

Шапка в обрядовом контексте обуславливает семантические ситуации. Так, явившийся на сватовство человек кладет шапку рядом, выражая тем самым, что «если дело не будет ладиться, готов уйти, вот и шапку рядом положил». А обмен шапками между сватом и отцом невесты означает согласие сторон и служит вещественным доказательством перед людьми.

Материалы свадьбы чувашей однозначно свидетельствуют, что жених одет в зимнюю одежду, на голове всегда шапка. Согласно источникам, шапка жениха бывает типа «крымской»: из овчины кудрявой шерсти, большая, белая. К лобной части пришивают монету (одну или три). Он не расстается с этой шапкой и в доме, и за столом, и во время еды. Единственным исключением является прием кружки пива из рук тестя: тогда он в знак исключительного уважения на это время снимает шапку. В пользу нахождения жениха в шапке говорят и строки из свадебной песни, где просят зятя снять шапку, чтобы увидеть его кудрявые светлые волосы. Жених встает рядом с невестой у печки под кошму также в шапке. Аналогично одеты и дружки [РГО, р. 53, оп. 1.57: 5 об.; ЧГИ 1: 135; 21: 138 и др.].

Невесте пытаются надеть шапку еще при снаряжении к свадьбе. Но она сбрасывает ее, тогда невесту накрывают покрывалом. А после снятия покрывала у печки ей тут же надевают шапку жениха. В клеть на первую брачную ночь она отправляется в этой шапке. Должно быть, этот акт означает, что она уже покорена и находится под покровительством родни мужа [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 275; ЧГИ 28: 890; 211: 57 и др.].

Готовясь к молению и жертвоприношению, молещик должен одеться соответствующим образом, в том числе иметь шапку на голове. Снимая на время непосредственного моления шапку, он обязан после опять ее надеть. В отличие от чувашей, удмуртский жрец молится в шапке [Гаврилов 1880: 162, 172].

Широкое распространение у чувашей имеет правило держать шапку под мышкой в разных обрядовых ситуациях. Так поступают, например, при обращении к *Киремето*, в обряде *чүклем*, а также в семейных молениях. Как правило, шапка закладывается под левую мышку. Правило распространяется как на молении стоя, так и на моления в положении коленопреклонения. Молещику желательно иметь (хотя бы на время) новую шапку. Естественно, речь идет только о мужчинах. Женщинам в особых случаях разрешается молиться, имея под мышкой шапку мужа. Если за хозяина молится другой человек, то он обязан под мышкой иметь шапку хозяина того дома, где проводится действие. Правой свободной рукой молещик держит предметы жертвы (хлеб, сырок, мясо). Если перед молением присутствующим раздают в руки кусочки жертвенной еды, то и они повторяют жесты молещика: под левую мышку мужчины закладывают шапки, правые ладони с полученными кусочками протягивают чуть вперед [ЧГИ 21: 2, 3, 6 и др.]. Интересную и архаичную типологию обнаруживаем у некоторых африканских племен, изображающих своих вождей в одной руке с кинжалом (варианты: с трубкой или сосудом для вина), в другой — с черепом предка [Мириманов 1986: 112]. Как видим, прослеживается явная параллель между шапкой и черепом предка. Типологически они взаимозаменяемы и однофункциональны: в обоих случаях к божествам обращаются от имени предков.

Важно отметить функцию, которую выполняет шапка при наклонении к земле. После каждого оборота моления молещики садятся на колени лицом на восток и касаются лбами шапок, которые они до этого держали под мышками, опускаясь, кладут их на землю. В это время все присутствующие повторяют жесты молещиков. Приходилось видеть, что ныне молещики-старухи вместо шапки используют шерстяные варежки. Видимо, земли нельзя касаться лбами.

Снятие шапки в обрядовом контексте означает обращение к божествам и духам, предложение им жертвы за благосклонность в прошедшем году и доброжелательность в будущем. В обрядах проводов в солдаты снятие шапки всеми провожающими на околице немногим отличается от проводов человека в иной мир, ибо в обоих примерах человек переходит в иное качество, отделяется от сельчан. Ныне сакральные элементы снятия шапки проявляются в желании поклониться ува-

жаемому человеку, могиле, святому месту, а некоторые любят снимать шапку при встрече с уважаемым знакомым [ЧГИ 6: 591; 144: 168; 152: 184 и др.]. В противоположность этому неснятая шапка означает исключение данного человека из соответствующего контекста. Так поступают все молельщики: до и после моления они действуют в шапке. Неснятие шапки также равнозначно неприданию значения мероприятию или персоне. Так, священники возмущались, что чуваша при встрече с ними во время крестного хода не снимают шапок и не крестятся.

Как видим, шапка является не просто головным убором, в ритуальной ситуации она приобретает отчетливый сакральный смысл. Укладываемая в гроб, умершему надевают шапку [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 277; РАН, ф. 21, оп. 5.149: 118; РНБ. Q.IV.379: 17 об. и др.]. Речь идет о мужчинах. В редких случаях шапку можно заменить ее имитацией, сшитой из холста. Более того, в гроб клали шапку про запас, ибо понятия «тот свет» и «зима» на семантическом уровне равнозначны. Те же цели выполняет шапка при обращении со столбом *юпа*: заместителю умершего (если он мужчина), после того как его уложили на постель, надевают шапку.

Переворачивание шапки (выворачивание, надевание задом наперед) на голове, видимо, рассчитано на предотвращение возможной беды и избежание наказания. Чуваша на закалывание скота не для сакральных целей приглашали татарина или резали сами, но при этом шапку надевали задом наперед. Такая особенность сохранилась среди некрещеных чувашей.

Лапти — *çăпата* (от рус. *чобот*, *чапачь*). Плетение лаптей являлось привычным занятием у чувашей. На посиделки некоторые парни в старину приходили с лыками и плели лапти. В долгие зимние вечера успевали изготовить по две пары. Считали, что плетением лаптей можно заниматься и на том свете, поэтому умершему родственнику в гроб клали, помимо прочего, кочедык и ножик для плетения лаптей [ГАУО, ф. 318, оп. 13.61: 32 об.; ЧГИ 29: 553; Чулков 1786: 244 и др.].

Понятие о лаптях как о повседневной обуви получило отражение в ритуалах. Так, укладывая тело умершего в гроб, родственники надевали ему новые лапти [РНБ. Q.IV.379: 17 об.; ЧГИ 21: 514; 154: 221 и др.]. Желание отдать последние почести здесь вторично и рационально, важнейшее желание обеспечить новой обувью, чтобы он там мог ходить.

Девушки на выход надевали лапти, плетенные особым способом — в девять лык. Такая обувь входила в комплект наряда взрослых девушек. В плаче невесты выражается стремление беречь, содержать в чистоте эти лапти:

В новые лапти я обулась,
Как бы не задеть грязь носком [Ашмарин 1937а: 37].

Конечно, смысл высказывания шире — не запятнать свою честь, не осрамиться. Таким образом, лапти символизируют девушку на выданье как буквально, так и в переносном смысле.

Со временем лапти становятся признаком бедности. Их начинает вытеснять фабричная обувь. Эта тенденция выражена в молодежной игре-гадании. Девушки по дороге в баню (каждая отдельно) просеивали на пол золу. Если через сутки обнаружат след от лаптя — выйдет за бедного, если от башмака — за богатого.

Лучшими мастерами по плетению лаптей, как правило, были старики. У них старались покупать выходные лапти. Таких умельцев в деревне обычно бывало не более трех. У некоторых мастеров плетение лаптей становилось ремеслом.

Если человек где-либо заблудится, советуют переобуть лапти: левый надеть на правую ногу, правый — на левую. Профессор И.И. Одюков на полях одной моей рукописи сделал заметку, в которой он рассказывает случай из своего детства. Однажды в дождливую погоду они с сестрой заблудились в лесу недалеко от Волги. После безуспешной попытки выйти на дорогу переобули лапти и вскоре услышали гудок парохода.

Женщины выпрашивали лапти у легко рожавшей и надевали их на время родов. Лапоть служит местом хранения пуповины новорожденных. Старый лапоть с содержимым прячут в недоступном для детей и скота месте.

В *сурхури* лапти и другая обувь используются для гадания. Выходят во двор и бросают лапти через забор на улицу. По направлению лежащих лаптей гадают о своих будущих мужьях и женах: если лапоть лежит носком (вариант: веревками) на юг, то жених придет с южной стороны, если на восток — с востока и т.д.

Выражение «обуть лапти задом наперед» значит дожить до глубокой старости. На сборе родни в честь новорожденного дают благословение новому члену рода, желая дожить до того времени, когда он обуеет лапти задом наперед. Знахарка, приступая к занятию, одевает все наоборот: платье выворачивает, *сарй* вешает вперед, лапти обувает задом наперед, онучи переворачивает, волосы распускает, завязку у шеи развязывает, а сама встает на метлу. Такие обратные действия, помимо прочего, выражают сакральность, способствуют установлению связи с иным миром.

Уходящий на тот свет человек не должен беспокоить живых своими приходами в неурочное время. Поэтому ему развязывают все узлы, в том числе веревки у лаптей: так ему труднее будет собраться сюда.

Как правило, умершему обувают новые лапти, а его старые выбрасывают вместе с нательным бельем. Но учитывая, что лапти входят в число личных вещей, иногда старые вместе с другой мелочью клали в гроб.

Форма лаптя символизирует гроб в обрядовых имитациях похорон. С целью вызывания дождя из теста готовили изображение человека и помещали его в лапоть. Такой «гроб» усердно топили в воде.

Лапоть являлся жилищем одного из наиболее почитаемых духов — *Йёрёха*. Этого духа-покровителя устраивали в лапоть и время от времени кормили киселем.

Отдельно следует рассматривать обряд «Греть покойников». На славянском материале он разбирался Д.К. Зелениным и др. Содержание обряда — сжигание старых лаптей на улице на следующее утро после *мункун*. Смысл обряда обычно связывают с почитанием предков, гостивших в эти дни у своих родственников. Здесь же люди угощают друг друга пивом из кувшина. Объяснение, что в огне нуждаются не только живые, но и покойники, поэтому в дни весеннего поминовения жгут лапти, считаю православным (иначе говоря, неверным) толкованием. Заметим, что день сожжения лаптей — это следующий день после *мункун*. Если возникало желание «греть покойников», то это лучше было сделать сначала, сразу после того, как они придут. Помимо этого, чувашки одновременно обращаются и чествуют таких важных домашних божеств, как *Хёртсурт*, *Кил-йыш*, *Карта*. Угощая божество *Карта* кашей, чувашки также разводили огонь в лапте. Сохранившиеся объяснения не свидетельствуют в пользу согревания покойников. Так, сжигание лаптей помогает загнать колдунов, ходивших с целью порчи в последние ночи, домой, ибо они не выносят дыма. Пока горят лапти, люди прыгают через костер, чтобы освободиться от разных болезней. Завершив сжигание лаптей, народ тщательно моется в бане [ЧГИ 21: 534; 160: 33, 388 и др.]. Как видим, людей больше беспокоит собственное благополучие (избавиться от порчи колдунов, болезней, очистить себя от пота и грязи). Эгоцентричность вообще свойственна обрядам. Поэтому чувашский материал нельзя назвать обрядом с целью «согревания покойников». Скорее это обряд очищения и выпровождения.

Поскольку лапти постоянно использовались человеком, народ слагал в их честь даже гимны. При одевании новых лаптей обязательно произносили молитву, например:

У ненавидящего пусть продырявятся глаза,
У нетерпящего пусть лопнет сердце.
Идущий пусть остановится,
Всадник пусть спешится.
Пусть эти лапти
Служат сто лет,
Пусть носятся, пока не порвутся,
Как изнаются — пусть лежат еще три года [ЧГИ 154: 368].

Хушпу — женское головное украшение. Остов данного убора делается из полотна кожи длиной в пять четвертей, обшивается холстом. Сверху нашивают кумачовую материю. Форма остова дает повод в обрядовой поэзии сравнивать его с вьюшкой для навивки ниток, реже — с котлом.

Старший дружка в своем созыве на свадьбу, в частности, говорит:

У кого есть — наденьте хушпу,
У кого нет — вьюшку.

Верхушка у *хушпу* завершается заостренным незашитым концом. Сзади пришит *хўре* — «хвост», называемый в литературе еще лопастью и затыльником. Шьют его из холста. Он тянется почти до подколенок, постепенно суживаясь к концу. Его размеры: ширина четверть с небольшим, длина — один аршин. У поясицы хвост продевается под пояс, под верхней одеждой его не видно. В загадках его сравнивают с лубом, висящим за домом, т.е. на спине женщины. *Хушпу* женщины одевают на *суртан* и подвязывают под подбородком ремешком [ЧГИ 24: 715; Лепехин 1771: 159; Паллас 1773: 136 и др.].

Хушпу — одно из самых драгоценных украшений чувашской женщины. Основной ценностью являются старинные серебряные копейки и рубли (в том числе иностранные), кроме того, он содержит множество оловянных блесков и бисер в несколько рядов. На лбу ниже остова висят три серебряные монеты (в середине — крупная, по сторонам — поменьше). На затылочной части также размещены монеты. Верхушка от головы приподнимается на вершок и украшена кораллом. Край *хушпу* украшен цепочкой из бус. На всю свободную поверхность нашиты монеты в виде рыбьей чешуи, сверху — мелкие, внизу — покрупнее, в самом нижнем ряду — двугривенные. Например, рассказывается о варианте в два ряда денег: один ряд из десятикопеечных, другой — из полтинников. Встречаются упоминания о семи рядах монет или *мух-*

ратов (имитаций). *Хушпу* также обвешивается бусами и бусовидными пластинами овальной формы. Кроме того, с *хушпу* по всей окружности свисают кисточки из монет. Общее количество монет и имитаций у готовящегося к свадьбе *хушпу* может составлять 400 штук. Лопасть-хүре на конце вышивается разноцветной шерстью с бахромой и завершается цветными шнурками; нанизывается бисер и ужовки. В целом, *хушпу* представляет собой увесистый головной убор. С учетом его богатого украшения праздничную дугу к упряжи лошади сравнивают с *хушпу*, принадлежащим богатой невесте [Лепехин 1771: 159; Паллас 1773: 136; Ашмарин 1941а: 277 и др.].

Требует уточнения ареал распространения этого женского украшения. Примеры, вошедшие в данное исследование, можно разделить на три части. Первая — из Батыревского, Комсомольского, Шемуршинского, Яльчикского и Янтиковского районов, что составляет низовой этнолингвистический ареал. Вторая часть — Башкортостан (Белебеевский р.), Оренбургская обл. (Бугурусланский и Курманаевский р.), Самарская обл. (Шенталинский р.), Саратовская обл. (хвалынские чуваша), Татарстан (Апастовский, Буинский, Бугульминский и Дрожжановский р.), Ульяновская обл. (Цильнинский р.), что в основе тяготеет к низовым с небольшими исключениями. Третью группу составляют два примера из Чебоксарского и Марпосадского районов, не входящих ни в низовую, ни в средненизовую этнолингвистическую группу. Как видим, *хушпу* активно бытовал у низовых, совсем редко у верховых, а у средненизовых вообще не представлен. Однако расширение круга источников может внести поправки в данное положение.

Этимологически родственные слова встречаются у удмуртов, марийцев, мордвы, а также у крещеных татар, мишар и башкир в виде *кашбау*, *кашмау*, *кашпау*. Возводят к тюркскому *каш* — «бровь» и *бау* — «бинт, повязка» [Федотов 1968: 158]. Однако в языке хинди *хуш-бу* означает женскую головную повязку, где тюркское влияние исключено. Поэтому в вопросе этимологии этого слова рано ставить точку.

Хушпу невесте надевают, сняв *тухью*, в начале свадьбы. Затем девушку увозят в дом жениха, где будущая свекровь стелет у порога *хушпу* и велит невесте первый шаг сделать на него [Поле 89: 126; 90: 186; ЧГИ 29: 134 и др.]. В других вариантах *хушпу* невесте надевают только в доме жениха, что означает изменение статуса девушки в женщину. Поэтому полное овладение невестой символизируется через надевание ей *хушпу*:

Монетный хушпу доставили,

Чтобы плотно надеть на голову (молодой), — поет на свадьбе мужская сторона.

В новогодних гаданиях расплавленное на сковороде олово, получившее форму *хушпу*, означает скорое замужество. Лишившись покрывала и оказавшись в *хушпу* в качестве головного убора впервые, молодая уже в качестве женщины угощает гостей пивом. Все приглашенные участницы-женщины на свадьбу являются в *хушпу*. Он входит в женскую повседневную одежду, и без него и дома не принято выходить из женского места. Распространяется такое представление и на умерших женщин. Так, в *юпа* родственники пляшут, надевая на голову *хушпу* умершей. Более того, чуваша и свое божество *Йёрёх* представляют в *хушпу*: наряжая куклу *Йёрёх*, обязательно надевают и данный убор [Поле 90: 155; ЧГИ 21: 527; Паллас 1773: 136 и др.].

Интересно: если девичий убор *тевет* символизирует солнце, то женское головное украшение *хушпу* однозначно содержит символ луны. Например:

На всю голову хушпу имею,

Не вам для подарка —

Пусть будет оградой луны [ЧГИ 28: 532].

Если девичий убор *тухья* имеет закрытое навершие, то женский убор *хушпу* — на макушке выход. Здесь возникает простор для размышлений. Заметим, выражение *Тярри шйтэк*, буквально означающее «макушка дырявая», ныне воспринимается как метафорическое обозначение глупого человека. Однако искусствовед А.А. Трофимов полагает, что в древности данная идиома значила «выход в космос» (из личной беседы), т.е. прозрение и наделение мудростью и опытом, что выглядит правдоподобным в свете учений о чакрах, функционально объяснимо и позволяет в широком контексте говорить о связи женщины с луной.

Кольцо — *çёрё*. В старину каждая взрослая девушка и женщина имели по несколько колец. В подтверждение этого в словаре Н.И. Ашмарина [1937а: 107] сохранилась фраза «Полный палец колец».

Кольцо активно используется в играх-гаданиях молодежи в период *сурхури* и *мункун*. Один из таких видов условно можно назвать «Вытаскивание кольца из воды». Вначале собирают у всех участников кольца и опускают в ведро с водой. Затем все поют. Ведущий во время пения

вытаскивает из ведра одно из колец. В зависимости от отрывка песни судят о судьбе хозяина данного кольца. Например:

Потеряла возлюбленного,

Меня мой любимый бросил... — означает осуществление того, о чем говорится в этих строках [Поле 89: 95; 90: 145; ЧГИ 24: 592 и др.].

Вариантом этой обрядовой игры является вынимание из воды пары колец — девушки и парня, которые обязаны при всех поцеловаться. Другая игра с кольцом — прятанье, для чего участники рассаживаются в ряд или полукруг. Определяют ведущего и гадающего. При нахождении кольца ведущий и гадающий меняются местами. Не находящий три раза подряд выполняет заявку играющих: спеть, сплясать, исполнить смешные упражнения. Третий вид игры — с использованием угля, плавающего в воде. Для этого уголь кладут в большую миску с водой, а вокруг ведра размещают кольца участников. Затем воду сильно размешивают, а сами поют. По тому, где остановится уголь и каково было в этот момент содержание песни, судят о предстоящем событии в жизни хозяина кольца. Имеются сведения, что игрой в кольцо забавлялись девушка и мужчина наедине. Хотя подробности такого занятия нам неизвестны, определенно можно сказать о его эротическом характере. Игры-гадания с использованием кольца бытуют по сей день. Среди некрещеных чувашей в старый Новый год этой игрой увлекаются и старушки.

Кольцо часто является символом любовных отношений в кругу молодежи. Особенно это заметно в песнях, где «кольцо» и «любимая/симпатичный парень» выступают на уровне семантических синонимов.

Лучше не спуститься к оврагу,

Если не играть «в прятки кольца».

Лучше не выйти на хоровод,

Если не поиграть с любимым [Ашмарин 1937а: 107].

Парни, желая завладеть сердцем избранницы, просили у них колечко. Своему избраннику в знак согласия на свадьбу девушка передавала через сваху кольцо.

Один из основных эпизодов на свадьбе — обмен кольцами. В чувашской свадьбе он имеет вариации по локусу — обмен кольцами может произойти во время встречи мужской и женской частей участников, у ворот тестя или свекра. Обмен происходит под покрывалом невесты, после чего молодые целуются, и происходит смена девичьего головного

убора на женский [ЧГИ 5: 88 об.; 29: 134; 151: 59 и др.]. Исследователи считают надевание свадебного кольца «пережитком древнеримского брачного обряда, где жених надевал на палец невесте железное кольцо, чтобы магически привязать ее к себе» [Румянцев 1938: 49]. Насколько данный конкретный факт распространен, трудно судить. Но суть этого эпизода заключается в обоюдном доверии друг другу своей жизни до конца. Символично в этом плане благословение молодых самым глубоким стариком из рода, который производит обмен кольцами молодых. Надевая кольца, старик им говорит: «Живите, как это кольцо, бесконечно» [ЧГИ 217: 502]. Естественно, речь идет не только о продолжительности жизни этой пары. Мысль старика глубже: обязанность молодых — обеспечить круговорот жизни рода.

Поскольку девушка имела несколько колец из недорогого металла, то она во время свадьбы в трудных ситуациях могла ими откупаться. Так, свое покрывало, снятое с нее мальчишкой и спрятанное им, она должна была искать. В случае безысходных поисков невеста откупала покрывало, дав кольцо мальчику. Кольцо-откуп фигурирует и в хождении молодой за водой, где после вручения мальчику кольца она получает право наполнить ведро водой.

Кольцо, часто фигурирующее в брачных церемониях, выражает и связь между родственниками через брак. Например, пир с приглашением широкого круга родственников содержит песню именно с таким смыслом:

На мизинце у меня кольцо из серебра,
Если сам не вручу, вы не попросите.
Если сами по желанию не приходите,
По моему приглашению не придете [ЧГИ 173: 331].

Кольцо входит в число личных вещей человека. Провожая человека в иной мир, в гроб кладут и кольцо.

Контекстная ситуация кольца позволяет говорить о семантике текста. Так, в песнях *улах* и плаче невесты говорится о кольце, находящемся на конце пальца:

Серебряное кольцо на среднем пальце
Дошло до конца пальца.
До выхода [из дома] отца
Осталась минута [ЧГИ 14: 61].

В данном тексте «кольцо на кончике пальца» и «выход из отцовского дома» имеют одинаковую семантику — скорое замужество. Кольцо, надетое на перчатки, означает невесту в свадебном наряде.

Как и другие вещи, кольцо может иметь свой знаковый заменитель. Так, в молодежной игре вместо кольца можно спрятать кусочек прутика или булавку. На свадьбе жениха не пускают под покрывало к невесте, поэтому он дарит подруге невесты кольцо или деньги.

Пояс (без пояса), кушак — *тисиххи* (*йўле тилёк*). *Писиххи* и другие производные образованы путем соединения двух слов: *тилёк* — «пояс(ница)» и + *сыххи* — «завязка, повязка».

Ритуальные тексты говорят о поясах тканых, ременных и шелковых. По виду различались пояса на рубашку и верхнюю одежду. Праздничные и ритуальные, а также повседневные повязки, как правило, украшались: если тканые, то их готовили из ниток разных цветов, нанося узоры; на обоих концах оставляли кисти; в песнях упоминаются пояса, обшитые позументом, что, конечно, является элементом поэтизации.

Ритуальное опоясывание жениха поручается женщине из его родни. Молодому надевается новая рубашка или халат, которые опоясываются разноцветным поясом. Иногда поверх этого завязывают платок, полученный от невесты во время сватовства. Обязательно завязывали пояс человеку при укладывании его в гроб, но чаще делали это на верхнюю одежду (например, на сукман) [ЧГИ 1: 134; 21: 542; 31: 54 и др.]. Не принято ходить без пояса и в повседневной жизни. В Библии, в частности, упоминается, чтобы во время трапезы в честь Яхве были «чресла препоясаны» [Исх. 12: 11]. Иначе говоря, опоясывание означает собранность человека, его порядочность, в этикетном плане является нормой.

В зависимости от вида пояса и случая использования существуют различные формы его прикрепления. Свадебный пояс, например, завязывается особым узлом, называемым *тичет тёвви*. Ритуальные или повседневные пояса отличаются от современных ремней. Одной из особенностей тканых поясов была их длина: поясом можно было опоясать человека вокруг до пяти раз.

Пояс в контексте обряда отражает статус обладателя. Так, у жениха поверх халата повязан зеленый или синий пояс. Специальный пояс обязателен для старшего дружки, чтобы по форме и цвету можно было отличить церемониймейстера от других участников. Видимо, до нашего времени не сохранились детали, позволяющие говорить о других семантических функциях пояса. Конечно, существовали мужские и женские пояса, для взрослых и детей, повседневные и ритуальные, праздничные и траурные. Возможно, реконструкции и ретроспективные подходы по-

зволют говорить о родовых и племенных поясах. Айнский материал, например, содержит такие подробности. У айнок имеется женский пояс, называемый буквально «женской тесьмой». «Этот пояс можно рассматривать как своеобразный знак рода. Мать, бабушка, дочери, сестры имеют однотипную тесьму» [Арутюнов, Щебенков 1992: 108].

Пояса и ремни служат предметами для гадания. Молодежь в *сурхури* кидает их со двора на улицу через забор. Если пояс упал в вытянутом положении — обладатель может «вытянуться». Чувашские и марийские знахари активно использовали пояс, например с его помощью измеряли расстояние от локтя до пальцев рук [Чулков 1786: 155]. Пояса отдавали знахарке на ночь: по характеру сна она рассказывала о судьбе человека. Пояс используется для нанесения ритуального удара, а также детьми — в играх.

Снятие пояса означает «распускание» энергии, освобождение эротического потенциала. Именно с этим связано развязывание невестой пояса жениха в клету в первую брачную ночь. Кроме того, снятие пояса указывает на мирное расположение. У айнов «гостья оставляет вещи снаружи, распускает пояс и, придерживая полы руками, низко кланяется, входит в дом» [Арутюнов, Щебенков 1992: 116].

Ходить без пояса было не принято. Увидев такого человека, люди могли сказать: «Ходит как татарин», указывая этим на его отличие от большинства. Существует ряд обрядов, в которых необходимо быть без пояса. Например, в ритуале опахивания вокруг деревни, где девушки или сакрально чистые женщины снимали пояса, распускали волосы, разувались, а в руки брали нагайки. Без пояса и головного убора совершают свои действия колдуньи [ЧГИ 184: 110; 204: 330; 206: 185 и др.]. Все это свидетельствует о «распускании» ведовской энергии, действующей негативно. Что касается действий девушек в обряде опахивания, то исходящая от них сила была направлена на подавление отрицательных воздействий со стороны духов. Отрицательное влияние на негативные силы дает положительный результат.

Рубашка мужская — *кёне*. В ритуалах говорится о самотканых холщовых рубашках домашней работы. В начале XX в. появляются упоминания о ситцевых рубашках.

Изготовление рубашки входило в обрядовое занятие девушек на посиделках. К ритуальным мероприятиям полагается надевать чистую рубашку на чистое тело. Одевая сыну новую рубашку, мать всегда высказывает пожелание, чтобы обновка изнасилась и порвалась, а голова осталась целой. Провожая умершего в иной мир, ему одевают новую нательную рубашку.

Рубашка входит в число почетных подарков. Наиболее ярко это проявляется в свадебной обрядности. Дарение происходит на разных этапах свадьбы и зависит от статуса родственников. Все это оговаривается еще во время сватовства. Тогда же невеста дарит родителям жениха по рубашке. Старший дружка в своей поэтической пригласительной речи советует надеть только штаны, ибо рубашки участникам, согласно договоренности, оденут на свадьбе в качестве подарка. Поэтому хор мужской стороны желает узнать, изготовила ли невеста жениху рубашку. Перед отъездом из дома родителей в качестве прощального подарка невеста преподносит по одной домотканой рубахе своим родителям, а также всем братьям. Взамен от них получает благословение. Воодушевленные участники мужского хора поют эти строки:

Через несколько полей перешли,
Чтобы надеть красную рубашку.

Параллельно со сменой девичьего головного убора невесты на женский молодой от своей жены получает рубашку, которую надевает при ней. Уже после приготовления первого супа молодая одаривает рубашками остальных близких родственников. Полученные подарки они сразу надевают и взамен на стол кладут деньги [ЦГА ЧР, ф. 334, оп. 1.1: 133; ЧГИ 24: 573, 715 и др.].

Рубашка может служить формой оплаты за услуги. Так, рубашкой расплачиваются за труд помощников при родах, а также труд знахаря за вылечивание от недуга. Над постоянно плачущим ребенком совершается обряд, а на его рубашку в качестве амулета-оберега пришивается береста.

Если во сне увидят умершего родственника в рваной рубашке, то, согласно толкователям снов, следует купить рубашку и подарить ее кому-либо, что означает преподнесение подарка духу предка.

Рубашку, в которой умер человек, разрывают (или разрезают), начиная с ворота вниз, и снимают через ноги. Ее можно отделить как сукман. Остальная одежда снимается обычным способом [Поле 90: 219; ЧГИ 21: 514; 31: 52 и др.]. Одежда умершего (рубашка, онучи, лапти) погружается на телегу во время похорон и выбрасывается за пределы деревни (в поле, овраг или канаву около кладбища). В примере из Шуматовской в. Ядринского у. говорится о выбрасывании вещей умершего ребенка (колыбели, рубашки, пеленок и др.) в поле. Другие рубашки умершего можно раздарить бедным людям. Разрешается оставлять такие рубашки дома, однако их нельзя надевать, а следует использовать в хозяйстве (например, для вытирания рук, затыкания продушин).

Поскольку рубашка входит в число личных вещей человека, ее (в одном экземпляре) в комплекте со штанами кладут в гроб, чтобы на том свете человек имел возможность менять нательное белье.

В *юпа* рубашка, оставшаяся от покойника, служит его заместителем. Подразумевается, что умерший родственник в этот день моется, поэтому на шест в затопленной бане вешают его рубашку. Затем ее кладут на столб-юпа, лежащий в постели. Когда человек хочет продемонстрировать свое веселое настроение по поводу прихода души умершего, эту рубашку он надевает на себя и пляшет, подразумевая, что с ними радуется и их умерший родственник.

Перед выносом из дома покойника его лицо вытирают его же рубашкой, в противном случае вместе с умершим человеком из дома уйдет хранитель очага и избы божество *Хёртсурт*. В данном случае рубашка выступает заменителем полотенца.

Покрывало невесты (чадра) — *пёркенчёк* — готовится к свадьбе. Как говорится, «к замужеству — покрывало, к сенокосу — коса» [Ашмарин 1936: 85]. Иногда вместо покрывала используют платок.

Покрывало надевают на невесту до отъезда из родительского дома, происходит это в клету [ЧГИ 1: 126; 6: 62; 28: 890 и др.]. (Если невесту крадут, то покрывало надевают по дороге.) Невеста начинает плач. Реже обряд надевания покрывала проводят у соседней. Покрыванием занимаются невестка молодой или посаженные отец и мать. Невеста, как правило, выражает нежелание, три раза срывает с себя покрывало. Затем молодую вводят в избу. Как видим, лицо невесты во время свадьбы закрыто. На плач невесту «заводит» невестка, укрывшись с ней одним покрывалом.

В дальнейшем фигура невесты под покрывалом занимает центральное место как буквально, так и в семантическом плане. В своем плаче она, например, подчеркивает, что стала причиной созыва родни:

Надела белое покрывало,

Собрала народ [Ашмарин 1936: 85].

Жених по обычаю должен оказаться под покрывалом у невесты, где проводится обмен кольцами. Данная сцена может происходить на разных этапах свадьбы: после сватовства, во время приезда за невестой, во время встречи на улице женской и мужской сторон свадьбы. Обмен кольцами сопровождается поцелуем. Этот свадебный элемент присутствует у большинства народов. У евреев жених и невеста во время брачной церемонии стоят под специальным балдахином, символизирующим

дом, семейное жилище, кров. Такой символический дом молодых в историческом прошлом мог свидетельствовать о матриликальном характере брака. В пользу этого говорят такие рудименты, как принадлежность фаты невесте, «вхождение» жениха под покрывало.

Снятие покрывала происходит во время символического угощения молодых супом. Сцена в целом называется «Девичья салма» и описана в литературе. Обычно это делает мальчик (младший брат жениха), реже — старший брат, зять или младший дружка [Поле 89: 81; РГВИА, ф. ВУА. 19026: 275; ЧГИ 1: 158 и др.].

Как считают информанты, после снятия покрывала невесту принято называть молодой, ибо она перестает быть незамужней. Сорвав с невесты чадру, мальчик машет ею, задевая, а иногда и просто хлестая стоящих вокруг девушек. Согласно поверью, задетая покрывалом девушка в этом году выйдет замуж. Отсюда нежелание или желание девушек коснуться покрывала, находящегося в руках мальчика. Затем мальчик выбегает в клеть и прячет там покрывало в сусеке. В доказательство совершенного ритуала приносит в рукавах муку [ЧГИ 1: 159; 29: 136; 208: 129 и др.]. Смысл этого действия состоит в желании выразить идею плодородия.

Время пребывания невесты под покрывалом равно продолжительности временного отрезка от начала прощания с отцовским домом до обретения ею статуса женщины. Невесту одевают ее в клетки отца, а покрывало прячут в клетки свекра. Получается, что покрывало носится невестой от клетки до клетки. Есть основание говорить о покрывале как о предохраняющем средстве от порчи на пути к жениху.

Покрывало как собственность молодой выкупается невестой у мальчика.

Белье нижнее — *кёне-йём*. Термин получен путем слияния двух слов: *кёне* — «рубашка, платье» + *йём* — «штаны, трусы». Готовясь к совершению какого-либо значительного обряда или действия (например, перед выездом на яровую пашню, свадьбой, до приготовления каши в честь божества *Хёртсурт*), чувашская семья обязательно парилась в бане и надевала чистое бельё. Во время общесельских праздников типа *чүк*, длящихся несколько дней, чуваша моются в бане до и после обряда и соответственно надевают чистое бельё. Кроме того, в конце недели каждая семья мылась в бане и надевала чистое белое бельё. С умершим поступают как с живым человеком. Укладывая в гроб, ему надевают чистое белое бельё, а также комплект новой одежды [Поле 90: 155; ЧГИ 31: 54, 217 и др.].

Некоторые обряды требуют, чтобы все или основные участники были только в нижнем белье. Пребыванию в такой одежде должны соответствовать время и состояние. Например, в известном многим индоевропейцам обряде опаживания вокруг деревни девушка, находящаяся между оглоблями, была в нижнем белье и с распущенными волосами, а сам ритуал проводился в ночное время.

В особые дни и недели существовали запреты на стирку белья. Так, в неделю *мункун* нельзя топить баню и стирать белье. Эти домашние действия выполнялись в понедельник, а во вторник приступали к мероприятиям, связанным с чествованием духов предков. Не разрешена стирка белья в день выгона скота. В случае нарушения запрета в доме могут завестись черви.

В словаре Н.И. Ашмарина [1934а: 260] зафиксирован фрагмент текста о прощании с родителями: «Отец-мать! В сегодняшний день прощаюсь с вами, но не навсегда, а только на смену белья». Видимо, это не плач невесты, а скорее всего сцена прощания рекрута. В этом случае под сменой белья имеется в виду отрезок времени из жизни, проходящей в стороне от родного дома. Таким образом, этот закодированный фрагмент речи подтверждает идею о равенстве двух понятий: с одной стороны, смена белья, с другой — переход в иное качество.

Белье — наиболее близкая одежда, прилегающая к телу, поэтому оно более связано с его носителем. Учитывая это свойство, колдуны с целью порчи от белья отрезали кусочки или крали белье целиком, т.е. порче подвергалась часть одежды, символизирующая человека.

В чувашском языке понятия *таса* — «чистый» и *шурӑ* — «белый» тождественны, когда речь идет о белье. В текстах может использоваться то или иное слово, однако смысл будет одинаковым. Белье у чувашей, как правило, было белого цвета. Впрочем, и у русских слова «белье» и «белый» имеют один корень. Болезнь как отклонение от нормы требует ношения белья другого цвета. Так, при желтухе необходимо носить белье желтого цвета.

Оставшееся от умершего человека белье чувашами не используется и не хранится, оно выбрасывается или сжигается. Имеются определенные места, куда следует выбрасывать принадлежавшее покойнику белье. В основном его бросали в канаву около кладбища. Белье, в котором умер человек, также выбрасывают в поле на перекресток или развилку троп. Обязательное условие — все люди в деревне должны бросать такое белье в одно место.

Поскольку, по представлениям чувашей, человек не умирает, а переходит в иной мир, в числе прочего покойнику кладут в гроб два комплекта чистого белья на смену.

Тухья — головной убор девушек. Имеются два вида *тухьи*: островерхие, с выступающей на маковке частью, и без острия [Salmin 2005: 57; Ашмарин 1937б: 201–202]. Концы острия *тухьи*, возвышающиеся над бисерной поверхностью, нередко выполнялись из олова. Убор имеет наушники, полностью закрывающие уши, а внизу под подбородком — застежку. Общий вид соотносится с конической формой.

Тухья богато украшена. Ценность представляют плотно нашитые по всему корпусу ряды монет из чистого серебра. Они крепятся за специальные пробитые отверстия к коже или холсту размером с ладонь. Полотно в свою очередь пришивается к каркасу. Сначала пришивают крупные монеты, а на них — мелкие. Междурадьё, а также боковины расшиваются бисером и бусинами. Монетами обшиваются и спускающиеся от ушей полоски, которые переходят в завязку под подбородком. *Тухья* имеет кисточку, свисающую от навершия к тыльной стороне. В целом получается увесистый убор. Желая подчеркнуть чрезвычайную украшенность узды, говорят: «У нашего коня узда что надо, как тухья у богатой девушки».

У башкир *такья* — женская тубетейка без вышивок — носится под платком, у татар *такья* — род колпака, у удмуртов *такья* — девичий головной убор круглой формы, обшита монетами, бисером и раковинами, у марийцев — *такья/тайха* [Федотов 1968: 144–145]. Самой отдаленной эпохой, в которой искусствоведы обнаруживают параллели *тухье*, является III тыс. до н.э. (ареал южных областей Средней Азии и Северного Ирана), а самой близкой к настоящему времени — V–VII вв. (районы Северного Таджикистана, древний Пенджикент) и VIII в. (ранний период Волжской Булгарии) [Трофимов 1985: 91].

Тухья — принадлежность девушек. Девушка, одевшая ее, становится взрослой, привлекательной и красивой. Девичья застенчивость, скромность и мягкий характер, а также богатство души, чистота внутреннего мира отражены в этом уборе. Если девушки проводили молодежный обряд зимой (например, «Девичье пиво»), то поверх *тухьи* надевали теплые шапки.

В хороводах парни часто пели песни:

Играть-смеяться кто хорош —
Девушка с тухьей на голове хороша.

Примечательно, что на посиделках девушки-строители обычно бьют в *тухье*, а их подруги с другой улицы в качестве приглашенных должны явиться в шапках. За этим строго следили: пришедших без ша-

пок девушек просто не пускали. Этот штрих указывает на определенный возраст девушек, готовых на близкие общения с парнями. «Хороша женщина в хушпу, но ей не сравниться с девушкой в тухье», — говорят чуваши. Если умирала девушка, то в *юпа* плясали, надев на себя *тухью* умершей родственницы, что опять подчеркивает неотделимость понятий «тухья» и «девушка» [ЧГИ 7: 291; 18, инв. 895: 2; 21: 527 и др.].

Как известно, невесте надевают *тухью* в первом доме, где начинают свадьбу. Это делает будущая золовка невесты, она же зачинает девичий плач. Но в доме свекра золовка снимает у невесты *тухью* и одевает *хушпу*, а снятый девичий убор проносит перед присутствующими близко к их лицам, демонстрируя прощание с *тухьей* [Поле 90: 155, 186; ЧГИ 29: 30 и др.].

Тевет — убор девушек. Основой служит материя в виде широкой ленты, простроченной спереди и сзади. Ленту могли сделать и из сплетенных шнурков. Такая основа называлась ременной [Миллер 1791: 19; Ашмарин 1937а: 22]. Изготовление *теветя* считается сложным и нескорым занятием. *Тевет* у чувашей — один из дорогих и богато украшенных уборов. Материя представляет собой широкую ленту красного (сандалового) цвета. По краям она обшивается белой тесьмой, чересполосно пересекаемой синим цветом. Основная ценность — пришитые в два ряда монеты: серебро достоинством в 10 и 20 коп., у более состоятельных чувашей — рублевые монеты. Вдоль рядов монет вешаются обычные монетки и *нухраты* (имитации монет). Таким образом, *тевет* напоминает орденскую ленту. Кроме того, ему придают вид и блеск пришитые мелкие стеклянные цветные бусинки. Пустые места занимают белые мелкие раковины. Украшения размещаются на передней (грудной) части ленты, задняя (спинная) часть остается без нашивок.

Тевет считается празднично-выходным убором: его надевают на хороводы, свадьбы и в гости. В обычные дни его не используют.

Тевет надевается (навешивается) на левое плечо, нижняя часть направляется наискось под правую подмышку. Иногда источники говорят о навешивании *теветя* на правое плечо. Как правило, такая путаница присутствует в русскоязычных текстах и, должно быть, проистекает от неправильного перевода. Например: «перевешиваемая через правое плечо», «надеваемая через левое плечо». Видимо, речь идет о надевании через правое плечо (т.е. пропуская правую руку в круг) на левое. Именно такой смысл содержится в пояснении Г.Ф. Миллера: «надевают оне с правого плеча на левое». С таким толкованием согласуется синонимичность понятий «левый» и «женщина».

Определяя *тевет* как женский убор (Н.И. Ашмарин), не надо полагать его принадлежностью замужних женщин. Речь идет о принадлежности к женскому полу. Тексты и обрядовые ситуации говорят о *тевете* как о девичьем уборе. Например:

Ближе к весеннему севу:

Трр... и, трр... и! — Голос жаворонка;

Как выйдешь на хоровод:

Чынкыр-чынкыр. — Звон теветя [Ашмарин 1937а: 266].

В свадебных песнях проводится параллель между *теветем* и взрослой девушкой. Поэтому в высказываниях типа: «Тевет надевали женщины, сидящие рядом с невестой» содержится противоречие, ибо должностных лиц, сопровождающих невесту, называют *хёр сумсем*, что и буквально, и функционально означает девушек-подруг. В качестве дополнительной характеристики *теветя* как девичьего украшения можно привести второе значение слова: *Тевет* — это женское имя у чувашей.

Семантика нагрудно-плечевой перевязи в форме окружности с богатыми украшениями и блесками говорит в пользу выражения культа солнца. В народной песне содержатся строки, где *тевет* уподобляется ограде (окантовке, периметру, отблеску) солнца:

Полный набор теветя на мне,

Не вам его дарю —

Пусть будет оградой солнца [ЧГИ 28: 532].

В пользу солнечной семантики свидетельствует и красный цвет ленты. Дополнительно можно говорить о параллелях типа «лицевая сторона — солнце», «тыльная сторона — ночь».

Платье (женская рубаха) — *кёне*. В чувашском языке как мужская, так и женская рубаха одинаково называются *кёне*. Поэтому принадлежность *кёне* можно определить только по контексту. Традиционная рубаха сделана из домотканого материала. Женские рубахи, как правило, дополнительно оформляются. Например, по краям на шее и рукавах делают вышивки, на грудь наносят узор в виде широкого полотна, на него пришивают монетки разных размеров. Высказывание П. Рычкова, что у чувашей жены «такое ж платье носят, какое у татар» [Рычков 1762: 188], видимо, относится не к оформлению, а к материалу.

Одевая дочку в новое платье, мать обязательно выскажет пожелание типа: «Пусть платье изнашивается, а сама растет» или «Пусть платье порвется, а голова останется целой».

Во время родов придавалось большое значение одеванию платья другой женщины, отличающейся легкими родами. Если во время родов в дом по незнанию являлся человек, то ему рвали рубаху. Такое обращение должно было содействовать благополучному «выходу» ребенка.

Божество *Йёрёх* представлялось антропоморфным. Для него специально шили рубаху, на голову надевали *хушту*. Покидая дом и переезжая на новые земли, чуваша приглашали с собой божество *Пирёшти*. Для этого жена хозяина ножом скоблила глину с печки и помещала ее в кيسет, который клала в карман рубахи, размещенный под подолом [Автор]. Таким образом, прослеживается женский характер некоторых домашних божеств.

Некоторые обряды, например, лечебного порядка следует проводить только в чувашском платье. Так, с целью излечения от недуга, насланного духом *Нииш*, знахарка надевала рубаху с подолами, больного ребенка клала на вывернутый задний подол и на ходу подпрыгивала вместе с ним. Считалось, что если ребенок выпустит газы, значит, выходит дух *Нииш*.

Платье входит в число свадебных подарков.

Существует запрет, согласно которому не принято шить платье (рубашку) ребенку до его рождения. В противном случае дети не будут жить.

Платок жениха — *сулăк*. Готовится невестой. В старину вышивку на платок, предназначенный жениху, наносили при свете луны, что свидетельствует о его сакральности. По краям *сулăка* делают бахрому из шелковых ниток, в одном углу — кисточка из покупных ниток. Готовый платок складывают пополам в треугольник так, чтобы кисточка свисала вниз. Иногда вместо *сулăка* используют просто платок красного цвета. Размер *сулăка* — чуть более двух четвертей в ширину [ЧГИ 1: 135; 21: 542–543 и др.].

Этимологически родственные слова встречаются в удмуртском, марийском, киргизском, татарском, башкирском, уйгурском и турецком языках. У русских в разных контекстах встречаются платок жениха, свадебное покрывало, полотенце, убор на архиерейском посохе [Федотов 1968: 134].

Сулăк входит в число подарков, передаваемых невестой жениху в конце сватовства.

Как правило, жених одевается в кафтан (халат), на спину которого вешается вышитый конец *сурпана* (тоже подарок невесты), а на него прикрепляют сложенный в треугольник платок-*сулăк*: два конца *сулăк* пришивают на плечи, а третий свисающий конец с кисточкой — на спи-

не (примерно между лопатками) [ЧГИ 1: 135; 29: 130–131 и др.]. Делается это перед выездом свадебного поезда жениха в дом невесты.

Имеется интересный вариант, встречающийся в Симбирской губ. XIX в., согласно которому жениху «на мизинный палец правой руки привязывают небольшой платочек нарочно для того приготовленный с разными узорами, вышитыми из красной бумаги и пришитыми по концам кистями. Этот платочек называется по-чувашски *сюлах*» [РГО, р. 53, оп. 1.57: 5 об.]. Представляется, что функции платочков на спине и мизинце жениха одинаковые.

При сборе объединенного свадебного поезда в дом свекра невеста срезает (срывает) *сүләк* жениха и кладет себе. Круг замкнулся.

Одежда для моления — *кёлё тумтирё*. Существует мало описаний того, в какой одежде люди встают на моление, а имеющиеся материалы неоднородны. Для уверенной реконструкции источников не хватает.

Согласно записи, на молении во время сева надевали шубу *кёрёк*, шапку клали под мышку. Н.И. Ашмарин слово *кёрёк* в данном контексте переводит как «полушубок» [1928: 81]. Описание домашнего обряда *мемеле* говорит о запрете надевать шубу, поэтому использовали сукман, пуговицы которого не застегивали. Шапку закладывали под мышку. Молельщик надевал сукман и во время вызывания дождя. В качестве одежды для моления фигурирует также кафтан. Иногда источники не раскрывают подробностей, связанных с видом одежды, и ограничиваются терминами «одежда для моления» или проще «одежда» [ЧГИ 21: 6, 11; 29: 198 и др.]. Более полное описание имеется в Библии: «Священный льняной хитон пусть он наденет, и льняное нижнее белье пусть будет на его теле, и льняным поясом пусть он опояшется, и льняную повязку пусть повяжет: священные одежды это» [Лев. 16: 4].

Рукавицы (варежки) — *алса*. Материал, из которого шьют рукавицы обрядовым персонажам, особо не оговаривается, так как подразумевается их обычность. Лишь о рукавицах, принадлежащих старшему дружке и жениху, имеется оговорка — «кожаные». Так, в речи старшего дружки имеются строки: «Мы его (свата) ворота открыли кожаными рукавица-ми, “одаривали” нагайкой».

На руки жених надевает рукавицы, на голову — шапку. Он их не снимает и за столом, в них ест и пьет. Аналогично выглядит покойник в гробу независимо от сезона: на нем шапка, сукман, рукавицы, лапти. Моют покойника также в рукавицах или обворачивая руки платком, ибо к телу мертвого нельзя прикасаться. Существует запрет касаться поводка при покупке и продаже скота [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 277; РГО, р. 37, оп. 1. 48: 1 об.; ЧГИ 21: 514 и др.].